

В. А. Чалый

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
КАТЕГОРИЧЕСКОГО
ИМПЕРАТИВА
ДЖОНОМ РОЛЗОМ
В «ТЕОРИИ
СПРАВЕДЛИВОСТИ»

Рассматривается трактовка кантовского категорического императива Джоном Ролзом, выявляются некоторые существенные для этой трактовки особенности ролзовского понимания рациональности, соотношения интересов и конечных целей, ограничивающие возможности применения кантовской этики в рамках эгалитарного либерализма Ролза.

John Rawls's interpretation of Kant's categorical imperative is reviewed, some significant aspects of Rawls' treatment of key notions of rationality, interests and ends are revealed, which limit the possibilities of application of Kantian ethics within Rawls' liberal egalitarianism.

Ключевые слова: категорический императив, теория справедливости как честности, рациональность, разумность, универсализм, Иммануил Кант, Джон Ролз.

Key words: categorical imperative, theory of justice as fairness, rationality, reasonableness, universalism, Immanuel Kant, John Rawls.

Для кантовской политической философии категорический императив имеет центральное значение. Он образует ядро всей сложной конструкции, объясняющей и регламентирующей нравственность, его соблюдение является условием человеческой свободы. Жизнь политическая, по Канту, возникает и развивается как попытка совместно реализовать нравственный закон — попытка, могущая иногда казаться обреченной в системе действительных общественно-политических практик, но исполнение которой есть долг человека как разумного и свободного существа.

Кантовский способ построения моральной и следующей из нее политической теории оказал глубокое влияние на современные деонтологические концепции. Три предложенные им в «Основах метафизики нравственности» формулировки категорического императива были взяты на вооружение тремя главными современными деонтологическими подходами — «агентоцентричным» (agent-centered), «реципиентоцентричным» (patient-centered) и контрактуалистским.

В данной статье мы рассмотрим интерпретацию категорического императива в контрактуалистской деонтологии Джона Ролза с целью раскрытия особенностей использования кантовского принципа в обосновании теории «справедливости как честности».

В отечественном и зарубежном кантоведении существуют некоторые не очень существенные расхождения в подсчете числа предлагаемых Кантом в «Основах метафизики нравственности» формулировок категорического императива. Первые три не вызывают разногласий и получили названия «формула генерализации (универсализации)» (ФГ), «формула конечной цели» (ФКЦ) и «формула автономии» (ФА). Пол Гайер считает, что разновидность последней — дополнительная «формула царства целей» (ФЦЦ) [4, р. 354]. Ролз, а также Онора О'Нил находят среди тех, кто утверждает, что ФЦЦ является самостоятельной формулой, открывающей важные перспективы для политической философии. Четыре формулировки выделяет Т. И. Ойзерман [2, с. 21]. Отфрид Хеффе пишет об одной основной и трех вспомогательных формулах [5]. Наконец, Герберт Патон [6] и Л. А. Калинин [1] добавляют к этим четырем пятую «формулу закона природы» (ФЗП), справедливо полагая, что каждая из кантовских формулировок обладает самостоятельной ценностью, открывая новый смысл категорического императива. Кант указывает на то, что все эти формулы выражают один принцип и что невозможно, чтобы они в какой-либо ситуации вступили в противоречие, и этот тезис в современной литературе не вызывает возражений.

Такова предыстория вопроса, теперь обратимся собственно к предмету данной работы.

Один из самых оригинальных разделов «Теории справедливости» Джона Ролза — параграф 40 «Кантианская интерпретация справедливости как честности». Попытка осмысления идей Канта в терминах эгалитарного либерализма была продолжена Ролзом в статье «Размышления о моральной философии Канта» [10], во второй крупной работе, «Политическом либерализме» [9], а также в «Лекциях по истории моральной философии» [8].

Ролз начинает «Кантианскую интерпретацию» с анализа базового понятия кантовской практической философии — автономии. Кант понимает автономию двояко: как положение морали в системе нравов, определяющей с помощью права всю систему общественных отношений, и как существенную сторону человеческой природы. Ролз сосредоточивается на втором аспекте. Быть автономным, согласно Ролзу, значит быть рациональным и свободным индивидом среди равных. Быть свободным, то есть, в полном согласии с Кантом, действовать исходя из нравственных принципов, диктуемых разумом, — в противоположность действиям из склонностей, навязанных животной природой¹. Указание на равенство вносит в

¹ Употребление Кантом термина “природа” требует особого внимания. Природой он называет и неразумное несвободное начало, сопротивляющееся разумным свободным целям человека и одновременно дающее средства для их осуществления, и мироздание вообще, когда говорит, например, о “целях природы в отношении человека” [2, с. 229, 230, 231, 234 и др.], что может заставить подозревать его в натурализме (см., например: *Bird G. Kant and Naturalism // British Journal for the History of Philosophy. 1995. Vol. 3, iss. 2*). Очевидно, говоря о “целях природы”, Кант имеет в виду квазицели, поскольку в собственном смысле целью могут оперировать только разумные существа, среди которых до сих пор единственным известным нам является человек. В трактовке же Ролзом понятия “цель” видится неопределённость, допускающая натуралистическое толкование.

смысл фундаментального понятия автономии социальное измерение. В системе Канта равенство имеет сложное строение. Во-первых, это абсолютное *моральное* равенство любых субъектов — от физических лиц до юридических учреждений любой сложности. Во-вторых, это относительное *правовое* равенство неравных во многих отношениях субъектов, как физических, так и юридических. Отметим, что понимание равенства в эгалитарном либерализме Ролза близко к кантовскому, однако их соотношение требует специального внимания.

Наибольшие трудности — и наибольший интерес — для настоящего изыскания представляет интерпретация Ролзом понятия рациональности, входящего в определение автономии. В его «Лекциях», изданных почти тридцать лет спустя после «Теории справедливости», мы встречаем важную дистинкцию между понятиями «разумное» и «рациональное», свойственную, по мнению Ролза, кантовской философии:

Рассуждая... о человеческой личности, я использовал фразу «разумная и рациональная». Этим я намеревался подчеркнуть, что Кант использует термин *vernünftig*, чтобы выразить полное понятие разума, охватывающее и «разумное», и «рациональное» в нашем обыденном употреблении. В английском языке мы понимаем, что имеется в виду, когда кто-то говорит «их предложение в данных условиях было рационально, но в то же время неразумно». Примерно это означает, что «они» навязывают невыгодную и несправедливую (*unfair*) сделку в собственных интересах, принятие которой они едва ли стали бы ожидать, не будь их позиция сильной. «Разумный» может также означать «обдуманый», «готовый прислушиваться к доводам», что подразумевает готовность воспринимать и принимать во внимание доводы других. *Vernünftig* может принимать в точности такие же значения в немецком: оно может иметь смысл и «разумности», и узкий (как у экономистов) смысл «рациональности» как продвижения собственных интересов наиболее эффективным путем. Кантовское употребление варьируется, но применительно к личностям *vernünftig* обычно означает быть одновременно разумным и рациональным. Его употребление понятия «разум» часто имеет еще более широкое значение, сформированное философской традицией. Задумайтесь о значении *Vernunft* в названии «Критики чистого разума»! Оно очень далеко отстоит от «рационального» в узком смысле. Вопрос о том, не включает ли кантовское понятие разума много больше, чем разум (этот вопрос я оставляю здесь без внимания), является глубинным [8, р. 164—165].

Соображения Ролза, конечно же, правомерны. Рациональность мысли и поведения Кант связывает в первую очередь с их рассудочностью и прагматичностью (прагматическими, гипотетическими императивами). Разумность же и того и другого определена морально-практическими свойствами разума, которым служат его теоретические свойства.

Существенно, что придавая тридцатью годами ранее теории «справедливости как честности» кантианское звучание, Ролз не принимает во внимание описанную в приведенной цитате дистинкцию и оперирует только термином «рациональность». Именно его мы встречаем в определении автономии, на него опирается и интерпретация категорического императива как принципа поведения свободного, равного другим и рационального существа [7, р. 222]. Рассмотрим эту связь рациональности и следования нравственному закону.

Ролз утверждает, что его два принципа справедливости «аналогичны категорическим императивам». Так ли это? «Верность этого принципа [категорического императива] не предполагает наличия у индивида какого-то определенного желания или цели» [3, с. 225]. На достижение определен-

ных, конкретных, то есть эмпирических, желаний и целей ориентирован гипотетический императив. Категорическому же императиву — пишет Ролз — человек подчиняется только в силу своей природы свободного и равного рационального существа. Но что имеется в виду под рациональностью в теории справедливости как честности? Есть ли это разумность или только узкая «рациональность экономистов», описанная в «Лекциях»?

Вот как рассуждает об этом Ролз: «В обосновании этих двух принципов справедливости отсутствует предположение, что у сторон имеются определенные цели; учитывается лишь стремление к определенным первичным благам. Это такие вещи, стремиться к которым рационально, независимо от других имеющихся желаний. С учетом сущности человеческой природы, желание первичных благ — это часть рациональности; и хотя каждый имеет некоторую концепцию блага, ничего не известно о его конечных целях. Предпочтение первичных благ выводится, таким образом, лишь из самых общих предположений относительно рациональности и условий человеческой жизни» [3, с. 225]. То есть в данной концепции рациональность имеет одно определенное применение — эффективное преследование интересов, удовлетворение базовых потребностей, продиктованных человеку природой и, по Канту, ограничивающих, но не отменяющих его свободы. В таком узком инструментальном смысле она указывает на гетерономность человеческого бытия, и едва ли, так понятая, может входить в определение автономии (свобода — равенство — рациональность). Принципы, диктуемые инструментальной рациональностью, не могут находиться в статусе кантианских категорических императивов. Они будут лишь гипотетическими.

Но Ролз пишет, что желание первичных благ — лишь *часть* рациональности (точнее, *part of being rational*). Возможно, есть нечто, что составляет другую часть? Лучше понять ролзовский ответ на этот вопрос позволяет еще одна пара понятий, задействованных в теории американского философа: «интерес» (*interest*) и «цель» (*end / aim*). Интерес — это понятие, пришедшее в современную политическую философию из экономической теории, оно используется Ролзом в значении, принятом в теории игр и теории рационального выбора. Интерес — это то, к чему стремится инструментальная рациональность, в нем, если мыслить по-кантиански, выражается зависимость человека от природы. Человек вынужден преследовать интересы, однако, полностью сосредоточившись на них, он перестал бы отличаться от животного, лишился бы свободы. Поэтому в кантовской этике над инструментальной рациональностью возвышается разум с его трансцендентальными идеями, задающими пределы и обозначающими цель свободной человеческой деятельности. Категорический императив значим только для рационального и разумного существа. Учитывает ли это интерпретация, предложенная Ролзом? Да, в ней рациональный человек преследует не только интересы, но и цели (которые, возможно, поздний Ролз назвал бы разумными). Однако понятие цели у Ролза остается принципиально пустым, о целях «ничего не известно». Они не являются предметом соглашения за «занавесом неведения». Наше неведение относительности целей других и незаинтересованность в них, по мнению Ролза, есть одно из проявлений автономии. Можно попытаться объяснить возникающий здесь отход теории Ролза от кантианства необходимостью оставить пространство для либерального многообразия ценностей и целей, присущего современным западным обществам, выбором плюрализма как един-

ственной альтернативы фундаментализму (выбором, ставшим еще более явственным в «Политическом либерализме»). Однако не разрушает ли этот выбор последовательности кантовской интерпретации?

Представляется, что категорический императив не может работать вне универсализма, присущего кантовской философии. Сохранив за рациональностью узкое инструментальное значение и не разработав ее роль в широком значении разумности, Ролз задействовал в своей кантовской интерпретации механику гипотетического императива, но функции категорического императива оставил неопределенными. Следует признать, что сама возможность этического (и политического) универсализма — одна из острейших и фундаментальнейших проблем, стоящих перед современной практической философией. Кант, идеи его философии нравов, политики и истории как универсального процесса, направляемого эволюцией нравов, создают базовые основания для построения такого рода теорий — основания, используемые либеральной англоязычной философией далеко не полностью. В этих условиях интерпретация Ролзом категорического императива в «Теории справедливости» может рассматриваться как важная часть попытки построить мост от англоязычного либерализма к кантианству — попытки, которую сложно назвать завершенной.

Список литературы

1. Калинин Л. А. Категорический императив и телеологический метод // Кантовский сборник. 1988. С. 25—38. Вып. 13.
2. Кант И. Основы метафизики нравственности // Соч.: в 6 т. М., 1964. Т. 4 (1). С. 219—310.
3. Ойзерман Т. И. Категорический императив Канта как предмет критического анализа // Кантовский сборник. 2008. С. 21—30. Вып. 1 (27).
4. Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
5. Guyer P. The Possibility of Categorical Imperative // *The Philosophical Review*. 1995. 3/104.
6. Höffe O. Kants kategorischer Imperativ als Kriterium des Sittlichen // *Zeitschrift für philosophische Forschung*. 1977. Bd 31, H. 3. S. 354—384.
7. Paton H. J. *The categorical imperative: a study in Kant's moral philosophy*. London, 1947.
8. Rawls J. *A theory of justice*. Revised edition. Harvard University Press, 1999.
9. Rawls J. *Lectures on the history of moral philosophy*. Harvard University Press, 2000.
10. Rawls J. *Political Liberalism*. Columbia University Press, 1993.
11. Rawls J. *Themes in Kant's Moral Philosophy / Kant's Transcendental Deductions*. Stanford University Press, 1989.

References

1. Kalinnikov, L. A. 1988, Kategoricheskij imperativ i teleologicheskij metod [The categorical imperative and the teleological method], *Kantovskij sbornik*, no. 13, p. 25—38.
2. Kant, I. 1964, *Osnovy metafiziki нравственности* [Fundamentals of the Metaphysics of Morals], T. 4 (1), Moscow, p. 219—310.
3. Ouzerman, T. I. 2008, Kategoricheskij imperativ Kanta kak predmet kriticheskogo analiza [Kant's categorical imperative as a subject of critical analysis], *Kantovskij sbornik*, no. 1 (27), p. 21—30.
4. Rawls, J. 1995, *Teorija spravedlivosti* [Theory of Justice], Novosibirsk.
5. Guyer, P. 1995, The Possibility of Categorical Imperative, *The Philosophical Review*, no. 3/104.
6. Höffe, O. 1977, Kants kategorischer Imperativ als Kriterium des Sittlichen [Kant's categorical imperative as a criterion of morality], *Zeitschrift für philosophische Forschung* [Journal of Philosophical Research], Bd 31, H. 3, S. 354—384.

7. Paton, H.J. 1947, *The categorical imperative: a study in Kant's moral philosophy*, London.
8. Rawls, J. 1999, *A theory of justice*, Harvard University Press.
9. Rawls, J. 2000, *Lectures on the history of moral philosophy*, Harvard University Press.
10. Rawls, J. 1993, *Political Liberalism*, Columbia University Press.
11. Rawls, J. 1989, *Themes in Kant's Moral Philosophy / Kant's Transcendental Deductions*, Stanford University Press.

Об авторе

Вадим Александрович Чальи́й – канд. филос. наук, доц., зав. кафедрой философии Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, vadim.chaly@gmail.com

About the author

Dr Vadim Chaly – head of Department of Philosophy, Institute for Humanities of Immanuel Kant Baltic Federal University; vadim.chaly@gmail.com